

УДК 94(470+571)+94(574)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ В БАССЕЙНЕ р. СЕЛЕНГИ

Юлий Иванович Дробышев
кандидат исторических наук,
Институт востоковедения РАН,
Москва, Российская Федерация
E-mail: altanus@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена характеристике ситуации с трансформацией традиционного природопользования у тюрко-монгольских этносов, сложившейся в бассейне реки Селенги в прошлом столетии. Главной особенностью хозяйства коренного населения являлась непосредственная связь с природой и ее биологическими ресурсами. Автор рассматривает основные трансформационные процессы, разворачивавшиеся в указанный период в структуре традиционного природопользования народов, населяющих степные ландшафты региона. В представленном исследовании рассматриваются проблемы и особенности адаптации этносов к природным условиям, знания и навыки рационального природопользования у народов рассматриваемого региона. Скотоводческая модель прошлого отражает преимущественно адаптивный характер природопользования в результате длительного приспособления к природным и социально-экономическим условиям. Важными источниками жизнеобеспечения кочевников являлись кочевое животноводство и земледелие в силу сформировавшихся традиций и природно-климатических условий. Рыболовство, охота и лесопользование, относящиеся к побочным промыслам, по существу, также обеспечивали жизненные потребности человека, поскольку давали пищу и лекарственное сырье кочевникам. В статье подробно показано широкое использование природных ресурсов в северных и южных частях Селенгинского бассейна проживавшими в данной местности представителями тюркских и монгольских народов. Ввиду объективной зависимости от условий среды обитания человек стремился сохранять хрупкий экологический баланс между собой и природой.

Ключевые слова

Трансформация традиционного природопользования, кочевой образ жизни, Селенга, монгольские и тюркские народы, животноводство, земледелие, лесопользование, промышленность, охота, традиционная духовная культура, XX век.

UDC 94(470+571)+94(574)

THE TRANSFORMATION OF THE TRADITIONAL NATURE MANAGEMENT OF THE TURKIC-MONGOLIAN PEOPLES IN THE BASIN O F THE SELENGA RIVER

Yuli Ivanovich Drobyshev

Candidate of Historical Sciences,
Institute of Oriental Studies RAS,
Moscow, Russian Federation
E-mail: altanus@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the characterization of the situation with the transformation of the traditional life support systems among the Turkic-Mongolian ethnic groups that developed in the Selenga River basin in the last century. The main feature of the economy of the indigenous population was a direct connection with nature and its biological resources. The author examines the main transformational processes that unfolded during this period in the structure of the traditional nature management of the peoples inhabiting the steppe landscapes of the region. The present study examines the problems and features of the adaptation of ethnic groups to natural conditions, the knowledge and skills of rational nature management among the peoples of the region under consideration. The pastoral model of the past reflects the predominantly adaptive nature of nature management as a result of long-term adaptation to natural and socio-economic conditions. Important sources of livelihood for the nomads were nomadic animal husbandry and agriculture due to established traditions and natural and climatic conditions. Fishing, hunting and forest management, related to side trades, in essence, also provided the vital needs of a person, since they provided food and medicinal raw materials to nomads. The article shows in detail the widespread use of natural resources in the northern and southern parts of the Selenga basin by representatives of the Turkic and Mongolian peoples living in this area. In view of the objective dependence on environmental conditions, man sought to maintain a fragile ecological balance between himself and nature.

Keywords

Transformation of traditional nature management, nomadic lifestyle, Selenga, Mongolian and Turkic peoples, animal husbandry, agriculture, forest management, industry, hunting, traditional spiritual culture, XX century.

ВВЕДЕНИЕ

В северной и южной частях Селенгинского бассейна природопользование исторически осуществлялось сходными методами, т.к. эти территории были населены, главным образом, тюркскими и монгольскими народами, примерно одинаково адаптировавшимися к окружающей среде. Основу их жизнедеятельности составляло кочевое животноводство, а в качестве подсобных промыслов служила охота и в существенно меньшей степени — рыболовство и земледелие. Позднее в данном географическом ареале доминирующее положение заняли роды монгольской языковой семьи, сохранившие кочевой образ жизни при главенствующей роли разведения домашнего скота: лошадей, коров, яков, верблюдов, коз, овец, хайнаков (помесь коровы и яка).

После проникновения в Забайкалье русских землепроходцев в XVII в. и вхождения Монголии в состав Цинской империи в конце XVII в., природопользование пошло несколько различными путями. В северной (российской) части байкальского бассейна активно развивалось земледелие, тогда как в южной (монгольской) части основой жизнеобеспечения народа по-прежнему оставалось разведение домашнего скота.

Объектом и предметом исследования является традиционное природопользование кочевых народов (тюркских и монгольских) бассейна реки Селенга. Цель настоящего исследования — изучение трансформации традиционного природопользования тюрко-монгольских народов в бассейне Селенги.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Для достижения основной задачи исследования нами привлечены исторические и этнографические материалы. При изучении прошлого и современности указанных народов применялся комплексный, системно-исторический подход, помогший изучению социально-экономических проблем. События и явления рассматриваются в их неразрывной, взаимообусловленной связи, как единое целое. Сравнительно-историческая реконструкция, проведенная нами, учитывала общие, основные законы поступательного развития, так и специфику местных факторов, зависимость от конкретных условий жизни человека и общества, в частности, от природно-климатических. Характеристика хозяйственных типов данного ареала опирается на их обусловленность природно-экологическими причинами и уровнем развития социально-экономических отношений. Сочетание различных методов исследования позволило в определенной мере изучить систему и трансформацию традиционного природопользования тюркских и монгольских народов в бассейне Селенги.

ОБСУЖДЕНИЕ

Этническая экология, или экологическая антропология зарубежных авторов, — наука, возникшая на стыке этнологии и экологии. Одной из ее задач является изучение адаптации этносов к ландшафтам и особенностей традиционных систем жизнеобеспечения в определенных природно-климатических и социально-экономических условиях.

Научные экспедиции российских путешественников открыли миру своеобразный мир кочевых народов Азии, по результатам которых были изданы научные отчеты и исследования, но проблеме взаимоотношения номадов и природы, собственно экологические вопросы в них по существу не рассматривались.

В отечественной науке одним из первых стал разбирать крепкие связи между этническими общностями и природной средой их обитания В. И. Козлов. Тема взаимосвязи человека и природы в условиях кочевого быта получила освещение в трудах Г. Е. Маркова, А. М. Хазанова, С. А. Плетневой, Н. Э. Масанова, Н. Н. Крадина и других известных исследователей. В этих работах, так или иначе, затрагиваются две большие взаимосвязанные проблемы: воздействие кочевых этносов на окружающую среду и роль природного фактора в развитии материальной и духовной культуры кочевников. Актуальным вопросам трансформации традиционных кочевых обществ евразийской степи посвящены недавние работы калмыцких ученых, опубликованные в новом международном сетевом научном журнале «Nomadic civilization: historical research» (Бадмаева, Омакаева, 2021; 2022).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Природопользование в монгольской части бассейна Селенги

Животноводство

Суровые климатические и отчасти социальные условия Монголии обусловили образование традиционных пяти типов кочевания: гобийский, восточный, западный, хангайский и хэнтэйский. Последние два территориально относятся к монгольской части байкальского бассейна. Хангайский тип кочевания широко распространен в степной и лесостепной зоне, где отмечаются достаточно редкие перекочевки и то на небольшие расстояния (от 15 до 20 км), в связи с имеющимися высокопродуктивными кормовыми угодьями. Летний выпас проходил в основном в межгорных долинах с богатым травостоем. В верхних частях долин и в боковых падах, защищенных от суровых северных ветров, располагались зимники. Достаточное количество заготовленных на зиму кормов и наличие стационарного жилья для пастухов дают возможность сократить количество кочевок до 2-4 перекочевок в год протяженностью не более 10 км.

Животноводческая специализация хозяйства Монголии и Бурятии в кочевой ее форме обусловлена особой природной средой, а не слабым развитием производительных сил общества. Кочевники меняют пастбища для замены стравленных пастбищ новыми, обеспечивая тем самым скот более богатыми кормовыми источниками. В этом плане у номадов выработалась особая, веками сложившаяся «технология». Постоянная перекочевка с места на место представляет собой способ жизнедеятельности людей в пределах своих родовых земель (Экологические традиции..., 1992: 5). Сегодня имеются обширные пастбища, способные накормить миллионные стада домашних животных, при этом использование естественных кормов является залогом низкой себестоимости продукции животноводства.

Первоначально в Центральной Азии, при родовой собственности на землю, существовали кочевки в пределах родовых земель, причем на местах стоянок юрты ставились кругом, в центре которого помещалась юрта вождя. Система кочевания

со временем изменилась, в частности, с образованием империи Чингисхана в начале XIII в. родовой принцип землевладения прекратил в Монголии свое существование. Аил стал основной социально-хозяйственной единицей кочевников, сохранившей свое значение до середины XX в. Обычно состав аила формировался по кровно-родственному принципу, но допускалось также вхождение в него и представителей другого рода. В то же время любой родственник мог беспрепятственно откочевать от своего аила и вести хозяйство самостоятельно (Цэрэнханд, 1993). В результате распада Монгольской империи и последующего разделения Монголии на аймаки и хошуны перемещения скотоводов были ограничены пределами хошунов. Менять кочевья самовольно строго запрещалось. В памятниках монгольского законодательства XVI–XVIII вв. неоднократно встречаются статьи, определяющие меру наказания за нарушение этого правила. Количество хошунов увеличивалось, а их площади уменьшались, тем самым ограничивая, число кочевков, что приводило к менее рациональному использованию пастбищ. После подчинения Монголии Китаю, Цинская администрация поощряла процесс дробления хошунов. «Именно с XVII века исчезают дальние перекочевки монголов, поскольку им приходилось осуществлять свою хозяйственную деятельность лишь в строго указанных границах» (Гэрэлбадрах, 2002: 62). Под властью маньчжуров, каждый монгольский хошун, род и т.д. оказался в определенных пространственных рамках, где за порядком землепользования следили представители монгольской знати.

После 1924 г., когда вся земля была конституционно провозглашена общенародным достоянием, а владетельные права феодалов отменены, прежние хозяева земли уже не могли распоряжаться пастбищами по своему усмотрению, не имели права попросту прогнать простых аратов с хорошего пастбища. Это не могло не нарушить существовавшую систему циркуляции стад в степи. В условиях недостаточно хорошо отрегулированного землепользования, араты, ведшие индивидуальные хозяйства, не придерживались определенной схемы перекочевков и зачастую конкурировали между собой за пастбища и воду. Пастбища несли огромную неравномерную нагрузку, что вело к деградации травяного и почвенного покрова, загрязнению и истощению водных источников.

Новое монгольское правительство, приняв на вооружение коммунистические идеи о необходимости кооперирования аратов, стало создавать из их числа производственные объединения. Первое документально засвидетельствованное постоянное аратское производственное объединение (АПО) образовалось в 1935 г. в Завханском аймаке. Через три года их было уже 34, еще два года спустя — 91. Во время Второй Мировой войны этот процесс замедлился, но в годы первой пятилетки (1948–1952) количество АПО возросло в 1,5 раза, а число их членов — в 2 раза. При этом увеличивалось поголовье скота, приходившееся на одно АПО.

В 1940-х гг. были введены обязательные поставки государству сельхозпродукции — шерсти, скота, молока. К этому времени в стране насчитывалось 183 АПО, под их попечительством находилось без малого 1 млн. голов общественного скота. В 1955 г. в стране началась новая кампания по массовому кооперированию аратства. Вызвана она была тем, что для большинства рядовых крестьян на первом плане стояло не увеличение общественного поголовья, а развитие личного хозяйства, что не позволяло решительным образом покончить с мелкотоварностью сельскохозяйственного производства, как хотела власть. Существовавшие многочисленные

индивидуальные хозяйства не поддавались четкому учету и государственному планированию, что также противоречило принципам социалистической экономики. Был принят новый устав, согласно которому произошло переименование аратских производственных объединений в сельскохозяйственные объединения (СХО). Норма содержания скота устанавливалась в зависимости от зон проживания: в гобийской зоне разрешалось держать в личной собственности до 150 голов скота, в хангайской зоне — до 100 голов. Тем самым правительство хотело привлечь в сельскохозяйственные объединения аратов-средняков. Этого практически удалось добиться к концу 1959 г.: в «добровольно-принудительном порядке» в СХО вступили практически все монгольские араты. Массовое обобществление скота нередко вызывало со стороны крестьян скрытый протест, выражавшийся в укрывательстве, продаже, забое скота, поджоге пастбищ, причинении разного рода вреда общественной собственности и т. п. Однако принятые правительством меры ужесточительного характера не принесли ожидаемого результата: количество индивидуального скота не уменьшилось, а, наоборот, увеличилось. С целью преодоления данной негативной (с точки зрения власти) ситуации государство в том же году провело дополнительное обобществление индивидуального скота. Новые нормы частного владения скотом в хангайской и гобийской зонах составили 50 голов на одно хозяйство. Соответственно произошло изменение процентного соотношения общественного и личного скота, составившее 73,3 % государственного поголовья к 26,7 % скота, находившегося в частной собственности. В 1968 г. в среднем на одно СХО приходилось 945 членов, 56 тыс. голов общественного скота, свыше 460 тыс. га земельных угодий.

СХО была строго вменена обязанность бережно и рационально относиться к находящимся в пользование государственным землям, лесам, водным ресурсам и т. д. В 1959 г. в стране было проведено межхозяйственное землеустройство, а к работам по внутрихозяйственному землеустройству приступили только через несколько десятилетий. Отсутствие четкого и внятного плана распределения сельхозугодий между производственными структурами хозяйств, недостатки в организации пастбищеоборотов привели к неравномерным и несбалансированным нагрузкам на пастбища, развитию дигрессионных процессов. Отнюдь не стремясь идеализировать традиционную систему землепользования в Монголии, подчеркнем, что в ее основе лежало ясное представление, превалировавшее в государстве и обществе в течение достаточно длительного времени, о принадлежности пастбищ определенным социальным группам. Механизм решения спорных вопросов давно был отлажен, но в новых социально-политических условиях он, конечно, уже не мог работать.

Традиционное хозяйство кочевников состояло из 5 видов скота: лошадей, овец, коз, коров и верблюдов. Видовое разнообразие животных у каждого владельца скота, безусловно, варьировалось в зависимости от финансовых возможностей и, что немаловажно, от наличия и качества пастбищных угодий. Верблюды использовались в качестве транспортного средства, а молоко верблюдицы считалось высококалорийным и полезным для человека. Араты доили коров, получали от них молоко и масло, на основе которых варили специфический чай с солью, хорошо утолявший жажду и согревавший номадов в холодное время года, а также слабоалкогольный напиток — айрак. Мясо мелкого рогатого скота — овцы и козы — шло в основном

на питание, этих животных доили и получали от них молоко, а также шерсть, из которой изготавливали войлок и пух. Кочевники употребляли в пищу мясо животных всех видов, в дело шли шерсть, шкуры, из естественных отходов получали незаменимое в степи топливо — аргал, на котором готовили пищу и поддерживали тепло домашнего очага. Основным средством передвижения в любой сезон были лошади, на которых пасли многочисленный скот, участвовали в военных сражениях. Домашних животных обменивали по бартеру для всевозможных нужд хозяйства. Имея в содержании различные виды скота, кочевники обеспечивали свое существование и жизнедеятельность.

Низшей производственной единицей СХО являлся сурь, как правило, состоявший из 1-2 (до 4-х) хозяйств и представлявший собой преимущественно семьи. Сурь в основном специализировался на содержании какого-либо отдельного вида сельскохозяйственных животных, и его размеры были самыми разными даже в пределах одного и того же СХО. По результатам обследования 47 СХО в 1961-1962 гг., сурь по выращиванию лошадей мог включать от 16 до 4653 голов, по выращиванию верблюдов — от 13 до 968, овец — от 37 до 2475, коз — от 243 до 1990 (Рошин, 1971).

Несколько соседних сурей образовывали хэсэг (аналогичный хотону), а объединение хэсэг составляло бригаду. Объединение насчитывало по 3-4 животноводческих бригад, куда входило более 100 дворов, или 200 членов СХО. Каждая из бригад состояла из порядка 40 сурей, на ее попечении находилось до 20000 единиц скота. К 1990 г. в Монголии действовали 255 СХО, содержащих в себе 700 бригад, 580 хэсэг и 33 тыс. сурей. 70 % сурей имели 1 юрту и не более 3 трудоспособных членов. Малочисленные сури не представляли собой столь же эффективную форму кооперации, как традиционные айлы (Яскина, 1998).

Одной из особенностей сурей было то, что специализация зашла в них настолько далеко, что скот разного возраста и пола выпасался силами разных сурей. Это в еще большей степени лишало аратов тех преимуществ, которые они имели при традиционном ведении хозяйства. Вдобавок, кооперированные араты еще с 1940-х гг. были обязаны поставлять государству скот, шерсть, молоко и жиры, вследствие чего внутреннее потребление этих продуктов населением было сведено до минимума. Со времени подавления в Монголии частного животноводства в 1950-х гг. в аратской среде проявилась тенденция утрачивания интереса к разведению скота, и бывшие животноводы начали мигрировать в города. Особенно много среди них было молодежи. Этот неблагоприятный для монгольской экономики тренд обратился вспять лишь после 1990 г., когда начались радикальные реформы и быстро прошла приватизация скота.

Правительство Монголии активно проводило политику седентаризации (оседания) кочевников. Появились оседлые усадьбы СХО, в которых интенсивно возводились стационарные дома, куда переселялись из юрт араты, строились объекты соцкультбыта. Усиленно проводившаяся интенсификация сельскохозяйственного производства являлась залогом дальнейшего оседания вчерашних кочевников. Ведение хозяйственной деятельности аратами все больше регулировалось руководством СХО, внедрялись плановые начала, в частности, в проведении перекочевков и перегонов скота. Хозяйства все больше стали применять отгонный метод выпаса,

когда пастухи вместе со своим скотом сезонно покидали обжитые места и перемещались на новые пастбища со свежим травостоем. По сути, происходил возврат в несколько измененной форме к прежним формам ведения хозяйства, в большей степени подлаженным под природные условия.

В этот период в Монголии стало наблюдаться резкое сокращение пастбищных земель, таковых, например, за период с 1975 по 1997 гг. в стране потеряно более 10 млн. га. Работы по окультуриванию пастбищ идут медленно и не успевают за их деградацией. Пастбищные земли также терялись из-за отчуждения под пашню, строительство, разработку полезных ископаемых и другие социально-экономические нужды. Но все же одна из главных причин практически повсеместной эрозии почвы пастбищных земель сельхозназначения — нарушение практиковавшегося аратами многовекового принципа смешанного животноводства, суть которого заключалась в том, что разные виды домашних животных на одном и том же пастбище питаются с различных ярусов травостоя: лошади съедают верхний ярус, коровы — нижний, а овцы — что останется (Яскина, 1998).

В 1990-е гг. в Монголии активным ходом шла приватизация в сельском хозяйстве: к концу 1993 г., к примеру, было приватизировано почти 90 % общественного скота. В аграрном секторе страны наметился возврат к натуральному и полунатуральному хозяйству, в 1995 г. из 108 тыс. аратских хозяйств лишь 10 % аратских хозяйств были товарными. Объемы заготавливаемого фуража за период с 1990 по 1997 гг. сократились почти в 10 раз, что поставило содержание скота едва ли не в полную зависимость от капризов погоды зимой (Яскина, 1998).

С началом приватизации в современной Монголии исследователи отметили порождение такого феномена, как реномадизация (это когда араты, получив скот в личное владение, возвращаются к кочевому и полукочевому ведению хозяйства). По мнению В. В. Грайворонского, реномадизация — «это временное явление, которое продолжится до тех пор, пока не установится относительное динамическое равновесие, баланс между традиционными и современными формами хозяйства и быта, адекватный собственному, национальному экономическому потенциалу» (Грайворонский, 1997: 135). Реномадизация приняла в этот период устойчивый характер в силу сохранения в обществе традиций и навыков кочевой цивилизации, так как переход к оседлому образу жизни в стране, начатый в сравнительно недавнее время, не успел завершиться в полной мере.

Можно ли говорить о временном характере реномадизации? Это покажет время, но возврат монголов к кочевому образу жизни хотя бы на небольшой период считаем возможным. А диктуется он объективными характеристиками природной среды, пренебрежение которыми влечет за собой серьезные экологические и экономические последствия. Современные араты с их единоличными стадами следуют иному способу землепользования, чем при совместных кочевках в составе хотона, как результат — перевыпас и исчерпание пастбищных ресурсов, в особенности в зоне Орхон-Селенгинского бассейна между Улан-Батором и Сухэ-Батором, характеризующейся наиболее освоенными транспортными путями. Все это привело к тому, что в монгольской части бассейна Селенги, составляющей менее 15% площади всех пастбищ страны, общее поголовье скота достигло в 1985 г. 6,0 млн. — 27,9%

от всего поголовья. К 2000 г. произошло значительное увеличение поголовья скота — до 9,0 млн. В настоящее время данная тенденция сохраняется. Скажем, что по прогнозу, сделанному в 1986 г. (Региональная схема..., 1986), предполагалось увеличение численности общего поголовья скота к 2000 г. до 18 млн.

Подобное увеличение численности скота естественно приведет к практически двойному увеличению нагрузки на пастбища. Это характерно для аймаков Центральный и Булган, где пастбищная нагрузка достигает 1,1–1,7 овцеголов/га (Бажа, 2002), тогда как средний уровень пастбищной нагрузки по стране составляет 0,35–0,38 овцеголов/га.

Уже сегодня сохраняется тревожная ситуация с современным состоянием пастбищ региона: около 13,5% приходится на пастбища с категорией сильной нарушенности экосистем, 55% относится к средней степени и только 30% пастбищ характеризуются слабой нарушенностью (табл. 1). Дальнейшее увеличение пастбищной нагрузки неминуемо приведет к еще большей деградации земель сельхозназначения.

Таблица 1

Площади пашен, подвергшихся эрозии (по: Mongolian Economy..., 2000)

Административные единицы и площади обследованных пашен			Площади, подвергшиеся эрозии, тыс. га /%					
аймаки	сомоны	площади пашен, тыс. га	слабая		средняя		сильная	
			га	%	га	%	га	%
12	145	1213,1	330,8	58,9	158,3	28,2	72,4	12,9

Как показывает практика современного ведения отгонного животноводства, в период планового регулирования экономики, перевыпас скота на одних участках и недобыпас на других во многом обусловлен образованием постоянных поселков, являющихся социально-культурными центрами. Сосредоточиваясь вблизи них, скотоводы нарушают традиционные пути отгона и установившиеся правила сезонного использования пастбищ. В результате дробного административного деления Монголии исторически сложившиеся пути движения скота проходят по территории нескольких сомонов, что несколько затрудняет организационное и практическое решение вопросов регулирования времени и места перемещения скота на отгонные пастбища, требуют излишнего согласования, координации действий и других бюрократических проволочек. Особенно остро это проявилось в условиях современных рыночных отношений, когда хозяева земель, по которым проходят исторически сложившиеся пути к отгонным пастбищам, не всегда дают согласие для прохождения по ним других хозяев скота, боясь нанесения ущерба своим пастбищным угодьям.

Серьезное опасение также вызывает концентрация поголовья домашнего скота в регионах с относительно развитой инфраструктурой. Особый ущерб состоянию пастбищных экосистем наносит, в частности, резкий рост поголовья коз в регионе, связанный с ростом цен на козью шерсть. Эти домашние животные поедают не только траву на пастбищах, но и листья, побеги деревьев и кустарников, тем самым в значительной мере мешают самовозобновлению лесных экосистем. Излишняя антропогенная нагрузка на пастбища наносит серьезный ущерб экосистеме Монголии и других, ранее кочевых, государств.

Земледелие

Первые засвидетельствованные сведения о приобщении к земледелию народов, проживавших в бассейне озера Байкал, датируются I в. до н.э. — у хунну (История..., 1967). В этих местах проживания кочевников хлебопашество не развивалось в полной мере главным образом из-за неблагоприятных климатических условий. Тем не менее очаги земледелия в данном регионе существовали в течение многих столетий в долинах дальневосточных рек — Селенги, Орхона, Толы, Хары и др.

Обработка земли значительно расширилась во времена Монгольской империи (XIII–первая половина XIV вв.), в частности, близ тогдашней столицы Каракорума. В одном из его районов компактно проживала группа земледельцев (Ткачев, 1987). Для земледельческих работ монголы привлекали захваченных в военных походах пленников, создавали из них специальные земледельческие колонии. Выращивали в основном для собственного пропитания такой неприхотливый злак, как просо, в меньшей степени пшеницу, ячмень и пр. Земледелие в Монгольской империи практически прекратилось в связи с ее падением и по новому возобновилось лишь в начале XVIII в., когда установившие свою власть в монгольских степях маньчжуры основывали поселения земледельцев с целью обеспечения пропитания своих гарнизонов, располагавшихся в крепостях на монгольской территории. Стало оживать земледелие на Орхоне. Пахота производилась в основном простым по устройству китайским плугом — андисом. Развивалось сложное ирригационное строительство для орошения засушливых земель. Однако агротехника монголов, начинавших в некоторых случаях по собственной инициативе осваивать хлебопашество, находилась в зачаточном состоянии¹. К концу XIX в. приток более дешевого зерна из Китая и России, а также в результате заполнения рынка хлебной продукцией китайских колонистов, привел к упадку аратского земледелия. Сами же китайцы в долине р. Хара распахали пригодные для земледелия и полеводства все удобные участки. Они растили яровую пшеницу, овес, просо и ячмень, с десятины получали урожай до 75–100 пудов зерна. Китайцы организовали относительно крупные хозяйства, имевшие сложные машины, где трудились сотни наемных рабочих. Одним из таких хозяйств было Дзун-Харинское, имевшее свою водяную мельницу, парники, птичник и другие подсобные службы, засевавшее свыше 900 га земли.

Однако большая часть колонистов-китайцев покинуло страну после провозглашения автономии Внешней Монголии в 1911 г. После их отъезда распаханные пашни пришли в запустение, стала разрушаться ирригационная сеть. Монгольский правитель Богдо-гэгэн дал распоряжение всем монголам сеять хлеб. Хошунная и

---

¹Представление об уровне агротехники того времени среди монголов дает следующее описание, сделанное В.И. Роборовским: «Пашни эти совсем почти не обрабатываются; определенная площадка земли заливается из арыка водою и окапывается маленьким валиком, чтобы задержать воду и дать ей возможность напитать землю; потом воду спускают, а на мокрую землю бросают зерна, прямо между кустов, не вырывая их; среди них проводятся кривой сапой редкие и мелкие борозды, в которые запахивается часть зерен, причем более половины их остается на поверхности и истребляется несметными стаями диких каменных голубей (*Columba rupestris*), прилетающих сюда с Южно-Кукунорских гор и покрывающих пашни сплошными массами. Пашут и мужчины и женщины, на верблюдах, лошадях и коровах, небольшой искривленной сапой. Работа эта требует участия трех человек: один идет впереди и посыпает зерна, другой ведет впряженное в сапу животное за повод, а третий направляет сапу на посыпанную зерном полоску» (Роборовский, 1949: 338).

аймачная администрации поначалу довольно живо откликнулись на указ всемонгольского императора, однако на деле до практических результатов не дошло. Простые араты в основном в штыки встретили указ своего правителя. От них через некоторое время в адрес правительства пошли прошения о том, чтобы аратов не принуждали к занятиям земледелием. Мотивировка этих прошений была самая разная: в частности, неумение и нежелание обрабатывать землю, на которой они не получали хлеба в достаточном количестве; точка зрения на труд земледельцев как трудозатратный и не приносящий дохода сеятелям. Одной из основных причин отказа от хлебопашества араты называли недовольство распашкой духов-«хозяев» земель: «В нашей Монголии много священных мест, посвященных духам-покровителям, которые народ почитает с древних времен. Если теперь начнем распахать землю, то это не понравится духам, покровителям гор и вод, и они могут наслать разные болезни и несчастья на людей и животных. Это замечено уже теперь» (цит. по: Шубин, 1953: 77–78). Араты не могли послушаться своих лам, считавших, что земледелие «портит лик земли», что в результате распашки земель гибнет бесчисленное количество живых существ, что непозволительно с точки зрения буддийской веры. Тем не менее, Монголия в период автономии собирала в среднем с одного гектара: овса — 11 центнеров, ячменя — 12 ц., пшеницы — 13 ц. (Namjim, 2000).

В Монголии в догосхозный период, в 1922 г., были осуществлены государственные посевы на р. Хара и вблизи г. Кобдо — в Тариачин-хошуне. Хозяйства, сеявшие зерно, получили неплохие доходы. В конце 1920–начале 1930-х гг. на базе бывших феодальных хозяйств было создано 8 госхозов, однако часть из них вскоре пришлось расформировать из-за низкой эффективности и слабой рентабельности.

В 1925 г. в Монголии возделанной земли насчитывалось всего лишь 70 тыс. Это объяснялось тем, что даже до середины 1950-х гг. в степной и гобийской зонах население почти не употребляло в пищу овощную продукцию. Потребности в хлебе страна покрывала за счет импорта, в основном из близлежащих государств, в частности, СССР. Не сильно изменилась ситуация с земледелием и в 1950-е гг.: в Монголии оно, как и прежде, носило очаговый характер. В 1957 г. посевные площади в стране занимали всего лишь 83,2 тыс. га. В это время происходил все увеличивающийся отток в города части сельских жителей. Ускоренный рост городского населения вызвал обострение продовольственной ситуации в стране, подтолкнувшее правительство к массовой распашке целинных земель.

Монголия, располагая ограниченными финансовыми и материальными средствами, небольшим населением, наличием больших земельных ресурсов (1780 тыс. га пахотнопригодных земель), отдала предпочтение экстенсивному пути подъема земледельческой отрасли. Ускоренному развитию растениеводства в Монголии, помимо природных факторов, препятствовала неразвитость в целом инфраструктуры, машиностроения и тракторостроения и пр. Страна полностью зависела от поставок импортной техники, горючего, минеральных удобрений и т.д., не были основательно продуманы меры морального и материального стимулирования за работу на земле. Если в первые годы освоения целины все же удавалось получать в некоторых местностях неплохие результаты, то впоследствии урожайность земледелия значительно упала, хотя пахотных земель стало больше. Несмотря на то,

что народно-революционная партия, стоявшая у руля государства, и монгольское правительство ставили задачу интенсификации растениеводства, на практике превалировало экстенсивное хозяйствование.

Государство стремилось компенсировать низкую урожайность зерновых культур за счет распашки новых целинных земель и вовлечением их в хозяйственный оборот, к примеру, в 1959–1960 гг. по стране было освоено 260 тыс. га целины. В первую очередь за счет этого удалось достичь увеличения валового сбора зерна, составившего 16 млн. пудов, что позволило не только покрыть потребности населения в хлебе, но и экспортировать его за границу. В засушливых местностях в 1970–1980-х гг. с целью повышения плодородия земли начали строить ирригационные системы.

В Монголии, вследствие суровых природно-климатических условий территории, стала применяться система ротации, при которой 35–40 % обрабатываемой земли находилось под паром. С одного гектара получали, в общем, по 12–15 ц/га, а отдельные госхозы в два и более раза. Несмотря на низкую урожайность в целом по стране, основной причиной которого была прогрессирующая эрозия почвы, Монголия полностью обеспечивала себя зерном и даже продавала излишки за границу, к примеру, в 1988–1989 гг. экспорт пшеницы достигал 93 тыс. т.

В 1993 г. в стране началась перестройка сельского хозяйства, были отменены госзаказы. 73 государственных хозяйств распались на 1530 акционерных компаний, десяток кооперативов и небольшое количество мелких индивидуальных хозяйств. Площади культивируемых земель и общий урожай культур, несмотря в целом на благоприятные погодные условия, начиная с 1990 г., имели тенденцию непрерывно сокращаться. В 1995 г., по сравнению с 1985 г., общая площадь пашни уменьшилась вдвое, урожай зерновых — более чем втрое, картофеля — вдвое, также значительно меньше выращивалось другая овощеводческая продукция. К 2000 г. было заброшено более 200 тыс. га из ранее освоенных под богарное земледелие площадей в южной части Селенгинского бассейна.

Существовавшая система земледелия Монголии в целом, и бассейна Селенги в частности, с отведением до 30–50% пашни под чистый пар, не обеспечивала сохранение плодородия почв, приводила в большинстве случаев к интенсивному развитию дефляционных и эрозионных процессов. Из 1213,8 тыс. га пахотных угодий, расположенных в северной Монголии, включая бассейн Селенги, по данным Министерства природных ресурсов и результатов специального обследования, подверглось эрозии 561,5 тыс. га, что составило 46,5% из обследованных земель (Бажа, 2002).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Монголии исторически значительное развитие получило традиционное пастбищное животноводство и кочевой образ жизни. В настоящее время дебатруется вопрос о перспективности кочевого животноводства и связанного с ним образа жизни населения. Реально ли в современных условиях возрождение многовековой проверенной технологии кочевания, ухода за скотом и переработки продуктов животноводства — этими сакраментальными вопросами задаются все больше и больше людей, в частности, из аграрного и научного сообщества. Есть множество

разных и противоречивых мнений и суждений на сей счет, как в самой Монголии, так и за ее пределами. Известный специалист по современному аратству В. В. Грайворонский считает очевидным неконкурентоспособность кочевой цивилизации. С другой стороны, как полагает ученый, потенциал традиционного монгольского животноводства еще до конца не исчерпан (Грайворонский, 1992).

В этом же русле рассуждает Г. С. Яскина, считающая, что «Ныне монгольское крестьянство ориентируют на возрождение технологий животноводства, которые были свойственны кочевой цивилизации: бережное использование пастбищ и водоемов, строгая очередность стравливания скоту растительного покрова, что в целом можно определить как гармонизацию связи человек — природа — человек. Но вряд ли только возврат к старым технологиям обеспечит подлинный прогресс животноводства», — полагает Г. С. Яскина (1998: 77).

Земледелие в Монголии не имеет традиционного развития, как животноводство. В прошлом данная отрасль сельского хозяйства развивалась в весьма ограниченных масштабах по многим причинам: из-за недостатка у аратов земледельческого опыта, агрономических знаний, нехватки в государстве сельхозмашин, минеральных удобрений и пр., а также в силу неблагоприятных природно-климатических условий. Низкая урожайность зерновых культур компенсировалась вовлечением в хозяйственный оборот новых земель, но их бездумное, нерациональное распаханье, как показывает монгольская практика, коренным образом поменяло условия почвообразования, привело к уменьшению пастбищных угодий для скотоводства, уничтожению естественной растительности, изменению поверхности почв, их биологического, теплового и водного режимов.

Литература

Бадмаева, Е. Н., Омакаева, Э. У. (2021). Трансформация традиционных кочевых обществ Прикаспийского региона в контексте социально-экономической политики Советского государства в 1920–1930-е гг.: современное состояние вопроса. *Nomadic civilization: historical research*. 1(3). 65–78.

Бадмаева, Е. Н., Омакаева, Э. У. (2022). Кочевание и седентаризация номадов Евразийской степи во второй половине XVIII–первой половине XIX вв. *Nomadic civilization: historical research*. 2(1). 18–27.

Бажа, С.Н. (2002). *Эколого-биологическая оценка деградиционных процессов южной части бассейна Байкала*. Диссертация ... кандидата биологических наук. Москва.

Грайворонский, В.В. (1992). Традиции кочевой цивилизации и современный прогресс Монголии. *VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.). Доклады российской делегации*. I. Москва: Институт востоковедения РАН. 46–53.

Грайворонский, В.В. (1997). *Современное аратство Монголии: социальные проблемы переходного периода (1980-1995)*. Москва: Издательская фирма «Восточная литература».

Гэрэлбадрах, Ж. (2002). Некоторые особенности землевладения в монгольских хошунах (XVII–начало XIX вв.). *Altaica*. VII. Москва: ИВ РАН. 61–66.

Региональная схема комплексного использования и охраны водных ресурсов бассейна реки Сэлэнгэ. Атлас. (1986). Т. I-II. Улан-Батор: ГУГК МНР.

Рощин, С.К. (1971). *Сельское хозяйство МНР на социалистическом пути*. М.: Наука.

Ткачев, В.Н. (1987). Кара-Корум в тринадцатом веке. *Актуальные проблемы современного монголоведения*. Улан-Батор: Госиздат. 50–61.

Цэрэнханд, Г. (1993). Традиции кочевого стойбища у монголов. *Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов*. Новосибирск: Наука. 27–36.

Шубин, В.Ф. (1953). *Земледелие Монгольской Народной Республики*. Серия «Труды Монгольской комиссии». 52. Москва: Изд-во АН СССР.

Экологические традиции народов Центральной Азии (1992). Под ред. Н.В. Абаева. Новосибирск: Наука.

Яскина, Г.С. (1998). *Аграрный сектор экономики Монголии на подступах к рынку*. Москва: ИВ РАН.

Namjim, T. (2000). *The Economy of Mongolia from Traditional Times to the Present. Occasional Papers of the Mongolia Society* / ed. by T. Namjim, W. Rozycki. Bloomington: The Mongolia Society, Inc.

References

Badmaeva, E.N., Omakaeva, E.U. (2021). Transformation of traditional nomadic societies of the Caspian region in the context of the socio-economic policy of the Soviet state in the 1920s–1930s: the current state of the issue. *Nomadic civilization: historical research*. 1(3). 65-78 (in Russian).

Badmaeva, E.N., Omakaeva, E.U. (2022). Nomadism and sedentarization of nomads of the Eurasian steppe in the second half of the 18th–first half of the 19th centuries. *Nomadic civilization: historical research*. 2(1). 18–27 (in Russian).

Bazha, S.N. (2002). *Ecological and biological assessment of degradation processes in the southern part of the Baikal basin*. Dissertation ... candidate of biological sciences. Moscow (in Russian).

Gerelbadrakh, J. (2002). Some Features of Land Ownership in the Mongolian Khoshuns (XVII–early XIX centuries). *Altaica*. VII. Moscow: IV RAN. 61–66 (in Russian).

Grayvoronsky, V.V. (1992). Traditions of nomadic civilization and modern progress of Mongolia. *VI International Congress of Mongolian Studies (Ulaanbaatar, August 1992). Reports of the Russian delegation*. I. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. 46–53 (in Russian).

Grayvoronsky, V.V. (1997). *Modern aratstvo in Mongolia: social problems of the transition period (1980-1995)*. Moscow: Publishing company “Eastern Literature” (in Russian).

Regional scheme for the integrated use and protection of water resources in the Selenga river basin. Atlas. (1986). T. I-II. Ulaanbaatar: GUGK MPR (in Russian).

Roshchin, S.K. (1971). *Agriculture of the MPR on the socialist path*. M.: Science (in Russian).

Tkachev, V.N. (1987). Kara-Korum in the thirteenth century. *Actual problems of modern Mongolian studies*. Ulaanbaatar: Gosizdat. 50–61 (in Russian).

Tserenkhand, G. (1993). Traditions of the nomadic camp among the Mongols. *From the history of the economy and material culture of the Turkic-Mongolian peoples*. Novosibirsk: Science. 27–36 (in Russian).

Shubin, V.F. (1953). *Agriculture of the Mongolian People's Republic*. Series Proceedings of the Mongolian Commission. 52. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Ecological Traditions of the Peoples of Central Asia (1992). Ed. N.V. Abaev. Novosibirsk: Science (in Russian).

Yaskina, G.S. (1998). *The agricultural sector of the economy of Mongolia on the outskirts of the market*. Moscow: IV RAN (in Russian).

Namjim, T. (2000). *The Economy of Mongolia from Traditional Times to the Present*. Occasional Papers of the Mongolian Society / ed. by T. Namjim, W. Rozycki. Bloomington: The Mongolian Society, Inc.